

П.А. ЦЫГАНКОВ

Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений

Одна из характерных особенностей теории международных отношений (ТМО) состоит в том, что ее объект находится в процессе постоянных изменений, затрудняющих создание эффективного научного подхода к его изучению. Неслучайно в этой сфере конкурируют несхожие друг с другом исследовательские парадигмы, наиболее широкое распространение среди которых получили политический реализм, либерализм и марксизм. В то же время возрастающее влияние международных отношений, мировой политики и глобальных процессов в целом на судьбы человечества, каждого общества и каждого отдельного индивида стимулирует стремление ученых если и не преодолеть свои теоретические расхождения, то хотя бы признать за каждым из подходов право на существование, покончить с "войной парадигм" и объединить попытки проанализировать свой объект с учетом разных позиций [Теория... 2002; Smouts, Batistella, Venesson, 2003]. Одновременно продолжают эволюцию самих этих подходов, изменение содержания парадигм, призванных, по мысли их сторонников, соответствовать тем трансформациям, которые претерпевают международные отношения.

Либерализм

Период формирования и первые 20 лет развития ТМО как относительно автономной дисциплины отмечены фактически полным доминированием в ней либерализма. Как известно, в его основе лежат две идеи, с предельной четкостью сформулированные еще И. Кантом: идея о единстве человеческого рода, общечеловеческих ценностей и идеалов и идея о возможности и необходимости изменения характера международных отношений в духе гуманизма и прав человека [Кант, 1966]. Сторонники либерализма не отрицают, что международные отношения по своей природе анархичны. Однако, с их точки зрения, эта анархичность носит временный характер и постоянно уменьшается. Международные отношения становятся *все более управляемыми* под влиянием общественного мнения и целенаправленной деятельности расширяющегося круга их участников [Wolf, 1916; Dickinson, 1926]. Наряду с государствами все более важное значение приобретает деятельность *негосударственных и частных международных акторов* – межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, фирм, предприятий и банков, а также разного рода организованных групп и отдельных людей.

Цыганков Павел Афанасьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Главные процессы, доминирующие в международных отношениях, – не конфликты и войны, не противоборство национальных интересов, а *сотрудничество* и *интеграция*, в основе которых лежит возрастающая взаимозависимость мира, усиливающая осознание людьми общности их интересов. Мир не становится автоматически лучше и безопаснее, что требует от участников международных отношений сплоченных действий по их регулированию. Основными регуляторами выступают *правовые и нравственные нормы* [Zimmern, 1936; Clark, Sohn, 1966].

В то же время эти общие для либерально-идеалистической парадигмы положения приобретают не совпадающие друг с другом концептуальные формы. Рассматриваемая парадигма далеко не однородна по своему содержанию. В ней присутствует имеющая давние традиции *идеалистическая* составляющая, в рамках которой, в свою очередь, существуют несколько вариантов. Реалисты, в частности, различают среди них "утопизм", "легализм" и "морализм". "Утопистов" они критикуют за веру в возможность создания нового мирового порядка на основе универсальной межправительственной организации (вначале Лиги Наций, а после Второй мировой войны – ООН). "Легалисты" (также ошибочно, по мнению реалистов) считают, что по мере создания, численного роста и усиления влияния международных организаций происходит неуклонное совершенствование юридических норм, и международные отношения все более обретают правовой характер. Наконец, "моралисты" рассматривают международную политику с позиций универсальных нравственных норм и указывают на то влияние, которое оказывает на международное поведение государств свободно выражаемое общественное мнение, выступающее против войн и связанных с ними социальных бедствий.

Два других варианта либеральной парадигмы – неолиберализм и постклассический либерализм. К неолиберализму относят, например, течение, которое основано на концепции экономической *взаимозависимости*. С точки зрения ее сторонников (Р. Кохэйн, С. Купер, Дж. Най) [Keohane, Nye, 1972; 1977], политика государств в международных отношениях определяется внутренними экономическими интересами, в то же время рост взаимозависимости создает общие экономические интересы всех государств, и это единство интересов стимулирует усиление их сотрудничества. Государства взаимодействуют друг с другом в целях увеличения собственных потенциальных экономических выгод и уменьшения потерь. Политика государств преследует рациональные цели, которые лежат в ее основе. Рост экономической взаимозависимости не только изменяет задачи и поведение государств на международной арене, но и ведет к уменьшению роли их военной мощи и военной силы.

Что касается *постклассической* версии либерально-идеалистической парадигмы, которая становится все более заметной с первой половины 1990-х гг., то ее исходным пунктом является концепция радикального изменения существа политической власти под воздействием глобализации. С этой точки зрения один из важных результатов глобализации – эрозия национально-государственного суверенитета, происходящая вследствие возрастающей "проницаемости" межгосударственных границ и ослабления функций государства (особенно в сфере безопасности и социальной защиты населения). Государство как социальный институт, как форма политической организации общества все больше устаревает и постепенно сходит с исторической арены, уступая место широким международным объединениям, формирующимся на основе единого свободного рынка, общих нравственных ценностей и универсальных правовых норм, базирующихся на защите и распространении естественных прав и свобод человека. Так формируется глобальное самоуправляющееся сообщество людей, мировое гражданское общество, функционирующее по единым правилам и регулируемое едиными законами.

Сторонники постклассической версии либерализма (М. Закер, Э. Моравчик, Дж. Мэтью, Д. Месснер, Дж. Розенау, Э.-О. Шемпел и др.) подчеркивают растущую роль таких институтов, как МВФ, ВТО, Всемирный банк, во взаимодействии государственных и негосударственных, общественных и частных акторов, правительств, неправительственных организаций (НПО) и предпринимательских структур [Moravcsik,

1997; Zacher, Matthew, 1995]. Они указывают на формирование трансграничных сетей, возникающих помимо государств на всех уровнях – от локального до глобального. Политика все чаще осуществляется в структурах, пронизанных подобными плотными горизонтальными и вертикальными сетями, значение которых растет, а национально-государственный суверенитет, напротив, размывается. Происходит становление всемирного "правления без правительства", которое формируется снизу и потому носит заведомо демократический характер, так как выражает универсальные ценности. Это означает изменение самого содержания власти (*power shift*), переход от сообщества государств к становящемуся все более транснациональным и функционирующему в общепланетарном масштабе гражданскому обществу [Rosenau, Czempel, 1992].

Другим вариантом постклассического либерализма можно считать возникший под влиянием постмодернизма конструктивизм¹. Его сторонники (А. Вендт, М. Финнемор и др.), так же как и другие представители либеральной парадигмы, считают, что характер международных отношений со временем изменяется [Вендт, 1998; Финнемор, 1998; Checkel, 1998]. Они признают и то, что помимо государств в международных отношениях принимают участие и оказывают на них существенное влияние множество других многочисленных и разнообразных акторов. Конструктивисты разделяют и либеральное понимание сотрудничества как основного международного процесса. В то же время, с их точки зрения, причина изменения международных отношений кроется в исходящей от самих обществ трансформации идентичностей, замене прежних доминирующих идей новыми. Государство остается для них главным международным актором, а ближайшие пути к сотрудничеству ведут через формирование (конструирование) общих норм и ценностей, которые не существуют как нечто раз и навсегда данное.

Таким образом, либерализм, продолжая эволюционировать, сохраняет все свои основные постулаты: общность трактовки природы международных отношений, главных акторов, их целей и средств, основных процессов, а также стремление к изменению характера международных отношений, основанное на убежденности в возможности их совершенствования в интересах общечеловеческих ценностей, идеалов и норм. Эволюция содержания либеральной парадигмы связана с усилением внимания ее сторонников к социокультурным аспектам мировой политики. Добавлю к сказанному: "главное блюдо" постклассических либералов – демократический мир, глобальное и неостановимое распространение прав человека, а также фукуямовское торжество демократии западного образца, – и картина постклассического либерализма станет фактически завершенной.

Реализм

Традиции политического реализма имеют давнюю историю в изучении международных отношений и связаны с именами таких мыслителей, как Фукидид, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, К. фон Клаузевиц и др. В XX в. решающий вклад в развитие этих традиций внесли английский историк Э.Х. Карр и американский политолог Г. Моргентау [Carra, 1939; Morgenthau, 1961].

Реализм исходит из положения, согласно которому природа международных отношений носит анархический характер, то есть характеризуется отсутствием верховной власти. Вследствие этого государства – главные участники международных отношений – вынуждены рассчитывать лишь на собственные возможности во взаимодействии друг с другом. В основе международных отношений лежат национальные интересы государств, а их регулятор – сила и баланс сил между великими державами. Предпочтения государств формулируются их лидерами на основе свойственного им понимания национального интереса, существо которого принципиально не изменяет-

¹ Чаще его рассматривают как самостоятельное течение, более того – как новую парадигму ТМО. Однако и близость конструктивизма к либеральной трактовке международных отношений никто не отрицает.

ся. Национальный интерес понимается в терминах силы государства в отношениях с другими государствами. Успеха добиваются те руководители, которые действуют разумно в международных отношениях со своими партнерами, всегда используя стратегии, поддерживающие или расширяющие их власть (силу). Право или мораль в конечном итоге либо служат интересам сильнейших, либо не играют заметной роли в международных отношениях. Так было во времена господства древних империй в Европе и других частях света, так было на заре формирования государства современного типа и так останется в будущем. Сущность международных отношений неизменна, ибо в их основе неизменная природа самого человека, хотя по мере развития научного и технического прогресса, эволюции общественных структур и т.п. они и могут приобретать новые формы.

Вместе с тем парадигма политического реализма, как и либерализма, неоднородна. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. она претерпела определенные изменения. Возникает *неореализм*, основные положения которого изложены в [Waltz, 1979]. Главное из них – рассмотрение государств как функционально однородных элементов *международной системы*. Сама же система понимается как постоянство принципов упорядочивания и неизменность требований к функционированию государств как ее формально дифференцированных элементов. Любые изменения в анархической международной системе связаны с распределением власти, влияющим на существующий баланс сил. Тем самым решающее значение в поведении государств приобретает *структура* международной системы, определяемая как совокупность внешних принуждений и ограничений. Другими словами, внешняя политика диктуется логикой международной системы и распределения власти (силы) среди государств. Например, если структура международной системы определяется противоборством двух сверхдержав, то есть *биполярна*, то не только средние и малые государства, но и великие державы, как и сами системообразующие сверхдержавы, подчиняются ее логике. В основе этой логики лежат гонка вооружений, раздел сфер влияния, жесткие требования сверхдержав к своим союзникам, устрашение и сдерживание противника и т.п. Иных логики и правил поведения придерживаются государства в условиях *многополярной* системы.

В эпоху холодной войны популярность позиций неореализма в ТМО подкреплялась биполярной структурой межгосударственной системы. Однако с развалом СССР и окончанием противоборства двух сверхдержав на всем мировом пространстве эти позиции во многом оказались подорванными. Произошло массовое вторжение в сферу мировой политики нетрадиционных акторов, возникло новое поколение конфликтов, международная безопасность перестала зависеть лишь от конфигурации системы. Распространение новейших средств связи, коммуникации и информации сделали межгосударственные границы проницаемыми. Значительную роль в мировой политике стали играть цивилизационные, культурные, религиозные факторы, самоидентификация новых акторов. Рационализм, присущий как классической, так и неоклассической версиям реализма, обнаружил свою ограниченность. В рамках неореализма стали возникать новые, компромиссные по отношению к либерализму течения². Все большее распространение получает постмодернистский подход. В этих условиях появляется новая версия реализма. Одним из первых ее выразителей стал С. Хантингтон.

Уже в 1993 г. он выступил с идеей "столкновения цивилизаций" [Huntington, 1993]. В соответствии с ней на смену государствам как главным акторам мировой политики приходят цивилизации – культурные сообщества, отличающиеся друг от друга историей, языком, традициями, но более всего религией. Несмотря на взаимное переплетение и смешивание, основные цивилизации – западная, конфуцианская, японская, ис-

² Это, например, "структурный реализм", развиваемый в работах Б. Бузана, К. Джонса, Р. Литтла и др. [Buzan, Jones, Little, 1993].

ламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская – представляют реальные сообщества с реальными разделяющими их границами. Коммунисты могут стать демократами, богатые бедными, но азербайджанцы не могут стать армянами, иллюстрирует Хантингтон свою мысль.

В то же время взаимоотношения цивилизаций немногим отличаются от взаимоотношений государств: они остаются конфликтными, поскольку в основе цивилизационных различий лежат ценности и убеждения, примирить которые гораздо сложнее, нежели экономические и политические интересы. Кроме того, защищая собственные ценности и убеждения, цивилизации, считает Хантингтон, стремятся к приобретению власти. Различия в степени обладания властью и борьба за военные, экономические и институциональные ресурсы, как и прежде, будут основной движущей силой мировой политики. Хантингтон разделяет с реалистами и положение, согласно которому субъекты мировой политики в основном действуют в условиях анархии, и не существует практически ничего, что сдерживало бы их стремление к власти и господству.

Таким образом, как и в случае с либеральной парадигмой, речь, по сути, идет о новой – постклассической – версии реализма. Сохраняя в основе своих рассуждений все главные постулаты рассматриваемой парадигмы, ее сторонники переносят центр тяжести анализа в исследовании международных отношений с межгосударственных взаимодействий на факторы и процессы социокультурного порядка.

Марксизм

Парадигма марксизма в ТМО ведет свое начало с Коммунистического манифеста К. Маркса и Ф. Энгельса и включает версии классического марксизма-ленинизма, неомарксизма и постклассического марксизма. В отличие от сторонников реализма и либерализма, приверженцы данной доктрины полагают, что природа международных отношений носит не столько анархический, сколько *империалистический и эксплуататорский характер*. Их основные действующие лица или акторы – прежде всего не государства и не транснациональные группы или объединения, а *социальные классы*. С одной стороны, это собственники производительного капитала, монопольно владеющие и управляющие средствами производства в мировой экономике и вступающие в острую конкурентную (в том числе и вооруженную) борьбу. С другой стороны, это пролетарии, угнетаемые и эксплуатируемые мировым империализмом. Поэтому доминирующие на международной арене процессы – это межимпериалистические кризисы, противоречия и борьба между указанными основными классами, между богатыми и бедными. Природа международных отношений *не вечна*, так как классовая борьба и революции (основные регуляторы международных отношений) рано или поздно приносят свои плоды, и тогда в международных отношениях воцаряются простые нормы нравственности и справедливости.

Приоритет, который отдается сторонниками марксизма экономическим отношениям, сближает их взгляды с приверженцами неолиберальной концепции экономической взаимозависимости. Минимизация роли государств как международных акторов отчасти близка другой разновидности неолиберализма – глобализму. А убежденность радикалистов в том, что основу природы международных отношений составляют противоречия, постоянные кризисы и непрерывные конфликты, в какой-то мере совпадает с пониманием реалистов.

Вместе с тем здесь построена совершенно другая картина, другое видение международных отношений. При этом общность основных положений такого видения не мешает сосуществованию и даже конкуренции в его рамках несовпадающих подходов и концептуальных построений. Парадигма марксизма, так же как и вышеописанные парадигмы, не представляет собой некоего одномерного монолита, в ее рамках сосуществуют и нередко соперничают друг с другом разные подходы и концептуальные построения.

Так, ленинская теория империализма, пролетарского интернационализма и социалистической революции, хотя и стала одной из первых ревизий классического марксизма, в то же время в своих главных положениях основывалась на Марксовом видении международных отношений как отношений "надстроечного" характера, а потому "вторичных", то есть зависящих от "базиса" (экономических отношений) и "третичных", то есть вытекающих из внутриаполитических реалий стран, взаимодействующих на мировой арене. В этой связи данная версия марксизма получила определение *марксистско-ленинской*. В 1950–1960-е гг. в значительной мере под влиянием распространявшегося в странах Запада разочарования в опыте "реального социализма" марксизм принимает форму *неомарксизма*.

В ТМО это проявилось не только в отказе от понимания международных отношений как "вторичных" и "третичных", но в не свойственном традиционному марксизму стремлении создать относительно автономную в рамках социальной науки дисциплину международных отношений. В основе неомарксизма лежит убеждение в прогрессирующем по мере развития мирового капитализма размежевании интересов богатых и бедных стран "Севера" и "Юга". При этом было предложено несколько теорий, каждая из которых достаточно далека от ленинской трактовки мирового капиталистического развития и межимпериалистических противоречий. Это, например, "теория зависимости" [Prebisch, 1964; Cardoso, Faletto, 1969; Frank, 1996] (Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Э. Фалетто и др.), с позиций которой благополучие экономически развитых стран основано на эксплуатации ресурсов остальных стран и на неэквивалентном обмене между богатыми и бедными государствами. Это теория "структурного неравенства" [Galtung, 1971] (И. Галтунг), обосновывающая причины международных конфликтов неравноценным положением одних и тех же государств в различных типах международных структур (экономической, политической, военной и т.п.). Наконец, это "мир-системная теория" [Валлерстайн, 2001], выделяющая тенденцию к углублению социального неравенства между "центром" и "периферией" мирового капитализма как следствие современного мирового экономического развития.

Тем самым неоклассический марксизм настаивает на необходимости кардинальных изменений в логике современного мирового развития, в предпочтениях и стратегиях основных акторов международных отношений, аргументируя обоснованность борьбы народов остальных стран "периферии" против крупнейших монополий стран "центра" за социальную справедливость и перераспределение богатств.

Постклассическая версия марксизма, в том числе и критическая теория (М. Хоркхаймер, Р. Кокс, С. Гилл, А. Билер, А.Д. Мортон и др. [Innovation... 1997; Cox, 1987; Cox, 1999; Gill, 1991; Horkheimer, Adorno, 1979]) в целом не отступает от этих традиций. В то же время она исходит из собственной трактовки политического содержания и социальных последствий глобализации мирового развития. В основе ее методологии лежит историзм, понимаемый как необходимость иметь в виду относительность так называемых общих законов общественного развития: о закономерностях можно говорить лишь в рамках отдельных исторических периодов. В целом же и структуры взаимодействия между людьми, и сама человеческая природа находятся в процессе непрерывного изменения, который и представляет собой историю.

Так, Кокс, основываясь на концепции "мир-экономики" Ф. Броделя, понимает мировое развитие как широкую, вплоть до глобальной, систему взаимодействующих экономических, политических, идеологических и культурных структур [Cox, 1986]. Исходя из этого, он рассматривает три подхода к осмыслению будущего. *Первый* – это структурализм неореалистского (К. Уолц) и неомарксистского (Л. Альтюссер) типа, для которого структуры (экономики, государства, общества, культуры) – постоянные и неизменные параметры действия. В рамках такого подхода взаимодействия акторов могут давать разные результаты, но в целом они не меняют общей картины, поэтому здесь невозможно уловить изменения системы, а тем более объяснить их истоки и их направленность. Сторонники *второго подхода* рассматривают переход от одной совокупности структур к другой как радикальный разрыв, не пы-

таясь объяснить его исторический контекст. Например, Т. Кун рассматривает развитие науки как прерывистую линию, череду сменяющих друг друга парадигм, а М. Фуко подобным образом понимает и саму историю. Им обоим присущ постструктуралистский взгляд – рациональное объяснение изменений, основанное на выделении поворотных критических моментов, характеризующихся появлением качественно новых структур. *Третий подход* вытекает из критики двух предыдущих и рассматривает изменения с позиций исторической диалектики, трактуя структуры не как некие данные, априорно присущие истории, а как факты. Иначе говоря, они являются результатом деятельности людей, продуктом истории. Это означает, что будущие структуры формируются в противоречиях существующих.

Опираясь на этот подход, Кокс выделяет три основных фактора, позволяющие понять изменения, происходящие в современном историческом контексте. Это глобализация как господствующая тенденция мирового развития; переход от фордизма к постфордизму в организации общественного производства; формирование новых форм организации власти и мирового порядка.

Глобализация отражает существующее в настоящее время соотношение социальных сил. Она проявляется в транснационализации производства, интернационализации финансовых потоков и постепенном их выходе из-под контроля государств. Государства, которые ранее защищали себя (и своих граждан) от внешних потрясений, превращаются в агентов, через которых мир-экономика передает свои требования национальным экономикам с целью их адаптации к условиям конкуренции на мировом рынке. Расширяется стандартизация моделей потребления, чаще всего копирующих "американский образ жизни". Идеология глобализации призвана убедить в том, что все эти процессы – результат неумолимой безальтернативной логики экономического развития. Тем не менее унифицирующей тенденции глобализации противостоят социальные силы, отражающие тенденцию к диверсификации и представленные движениями за социальную, культурную, этническую, религиозную, сексуальную и другие идентичности и представляющие серьезный вызов глобализации в идеологическом плане своим отрицанием утверждения о ее исторической необходимости и неизбежности ее негативных социальных последствий.

Постфордизм выражается в сегментации рынка труда и диверсификации производителей, поощрении миграции внутри стран с большой территорией и вовне (миграция капитала и населения в поисках занятости). В развитых странах он порождает два типа взаимоотношений государства и общества. Первый – это гиперлиберализация: отказ от любого государственного вмешательства в движение капитала, когда решающим критерием становится конкуренция на международном рынке. В результате общество раскалывается на тех, кто выигрывает от гиперлиберализации, и остальных. Второй тип характерен тем, что государство в международной конкуренции выступает на стороне крупного капитала (предоставляя ему многообразные льготы и субвенции), а также стремится поддерживать социальную сплоченность внутри страны (осуществляя политику инвестиций в человеческие ресурсы и социальные программы). Иначе говоря, это политика, которая может быть охарактеризована как "внутренний социализм и внешний капитализм".

Однако в слаборазвитых странах такая политика невозможна. Социальные силы, стоящие за глобализацией, принуждают их к открытию своих национальных экономик внешним силам. Неизбежным следствием этого становится рост цен и безработицы, в результате чего страдают прежде всего наименее обеспеченные слои. Неудивительно, что даже внешне демократические режимы (например, филиппинский) нередко прибегают к репрессиям для поддержки этой политики.

Фордизм инициировал и устанавливал неореалистскую структуру межгосударственных отношений. Он был формой государства и общества, составным элементом миропорядка, в отличие от "гиперлиберализма", навязывающего человечеству переход к новому мировому порядку, смену роли национального суверенитета, прежде всего с точки зрения помощи рыночным силам.

Эволюция классических парадигм

Парадигмы и их разновидности		Теории	Представители
Реализм	классический	национальных интересов, национальной безопасности, баланса сил	Э.Х. Карр, Г. Моргентхау, Э. Ваттель, Б. Спinoза, Г. Киссинджер
	неоклассический	уровней анализа, баланса угроз, зрелой анархии	К. Уолц, С. Уолт, Б. Бузан
	постклассический	конфликта цивилизаций	С. Хантингтон
Либерализм	классический	единства человеческого рода, приоритета моральных и правовых норм, коллективной безопасности	А. Смит, И. Кант, Дж. Кларк, Б. Сон
	неоклассический	международных режимов, взаимозависимости, гегемонической стабильности, институализации, федерализма	С. Краснер, Р. Кохэн, Дж. Най, Ф. Кратчвил, А. Этциони, А. Спинелла
	постклассический	“конец истории”, демократического мира, гуманитарного вмешательства, человеческой безопасности, мирового сообщества, мирового гражданского общества, глобального правления	Ф. Фукуяма, А. Муравчик, Дж. Ли Рэй, Л. Эксуорси, В. Зартман, Л. Риннер, Г. Саламе, Д. Розенау
Марксизм	классический	исторической миссии пролетариата, империализма, мировой социалистической революции	К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин
	неоклассический	структурной зависимости, мировых систем, центра-периферии	Р. Пребиш, Ф. Кардозо, Й. Галтунг, И. Валлерстайн
	постклассический	мировых порядков, антигегемонического блока	Р. Кокс, С. Гилл, М. Хоркхаймер

Вышеуказанные факторы современных изменений взаимосвязаны, и их взаимодействие знаменует собой окончание "революционного цикла", который вписывался в рамки исторического контекста Вестфальской системы³, и начало нового, развивающегося в условиях формирования "зависимого" (прежде всего от США) международного порядка. При этом социальные силы, выступающие против унифицирующего эффекта глобализации, за сохранение или достижение идентичности, не связаны друг с другом и не управляются из какого-либо одного или даже нескольких центров. По сути, они формируют элементы своего рода глобального гражданского общества, вступающего в противоречие с нынешними формами организации власти.

Таким образом, можно сказать, что постклассический марксизм все дальше отходит от классического марксизма и все больше сближается с такими постпозитивистскими течениями, как критическая теория, историческая социология, постструктурализм. В целом, эволюция классических парадигм может быть представлена в виде таблицы.

³ Вестфальская система получила название в результате Вестфальского мира 1648 г., когда были заключены два мирных договора, положивших конец 30-летней войне в Европе. В науке международных отношений эти договоры рассматриваются как рубеж, обозначивший начало системы межгосударственных отношений и современного государства как ее элемента.

Возможно ли преодоление "войны парадигм"?

Обратим внимание на то, что теоретическая парадигма вовсе не обязательно является верной моделью трактовки реальности и решения исследовательских задач. Но даже если она верна (то есть отвечает данным условиям и состоянию науки), то и в этом случае следует иметь в виду ее относительность: новые повороты в эволюции исследовательского объекта и в развитии самой научной практики могут поколебать и даже разрушить все ее основные установки. Именно данное обстоятельство питает непрекращающийся спор между парадигмами в ТМО: сторонники каждой из них считают, что взгляды их оппонентов не соответствуют быстро меняющейся международной реальности, а также развивающейся науке и ее методам. Расхождения столь велики, что некоторые наблюдатели полагают невозможным примирение между парадигмами. Сама же "война парадигм" – одно из препятствий на пути развития ТМО в целом.

Однако существует и противоположная тенденция. Так, будучи склонным к политическому реализму, Карр еще в 1939 г. стремился подняться над спорами между представителями разных взглядов на исследование международных отношений, найти общие моменты в их подходах и в этом смысле примирить парадигмы. Вообще за пределами США (например, в Англии, во Франции или в России) научные сообщества в области международных отношений проявляют значительно меньше интереса к межапарадигмальным дебатам. Подспудно разногласия в подходах, конечно, угадываются. В то же время существует и стремление избежать противопоставления парадигм, которое проявляется в попытках классифицировать указанные разногласия по другим принципам. Так, согласно одному из основателей "английской школы" в ТМО М. Уайту, теоретиков международной теории можно разделить на три традиции, которые известны как "3 Р": *реалисты*, *рационалисты* и *революционаристы*. Первые из них – продолжатели положений Макиавелли о властной, силовой политике государств, конфликтующих друг с другом в анархической среде. Вторые – сторонники позиций одного из основателей международного права Г. Гроция, который считал, что межгосударственные конфликты должны разрешаться на основе взаимно выработанных законов и правил. Наконец, третьи – приверженцы идей Канта о необходимости преобразования отношений между государствами на основе универсальных, общечеловеческих нравственных норм [Хэдли, 1997].

Как видим, данная классификация не вполне совпадает с вышеприведенными межапарадигмальными различиями. Стремление к их преодолению характеризует развитие английской школы и в дальнейшем. В центре внимания этой школы разработка *теории международного сообщества*. Ее основная цель – наличие общих правил и норм в отношениях между государствами. Сторонники данной теории разделяют ряд положений политического реализма: о государствах как главных действующих лицах, о национальных интересах как основе внешней политики, о регулирующей роли баланса сил, о неизменности основ межгосударственных отношений. В то же время их позиции выходят за рамки реалистской парадигмы, частично сближаясь с либерализмом, поскольку они подчеркивают роль обычных и правовых норм, а также не только конфликтов, но и сотрудничества между государствами на основе общих интересов. Наличие и характер таких интересов вытекают из осознания государствами – членами международного сообщества пользы от соблюдения единых правил поведения в отношениях друг с другом как для их собственного суверенитета, так и для стабильности международной обстановки.

Взаимное совпадение неореализма и неолиберализма имеет место и по другим основаниям. Например, представители обеих парадигм склонны считать основными игроками на международной сцене государства (хотя и по-разному относятся к проблеме суверенитета); и те и другие исходят из того, что международное поведение государств основано на национальных интересах (хотя по-разному понимают основы этих интересов: для реалистов это военная, а для либералов – экономическая бе-

зопасность); наконец, и те и другие не исключают как сотрудничества, так и противоборства на международной арене, а также ведущей роли в этих процессах великих держав.

Современные представители английской школы еще более целенаправленно исследуют эту проблему и показывают *сближение и даже совпадение структурного реализма и неолиберализма*. Так, по мнению Б. Бузана [Buzan, 1993], основные идеи теории международного сообщества государств не противоречат, а, напротив, дополняют и усиливают идеи теории мирового сообщества людей. Структурный реализм исходит из того, что степень и последствия международной анархии не постоянны, как это утверждал Уолц, а варьируются в зависимости от уровня и типа взаимодействия в межгосударственной системе. Чем ниже уровень такого взаимодействия и чем более оно стихийно, тем выше степень анархии и тем меньше возможностей для становления и развития международного сообщества. И хотя потенциал конфликтности между отдаленными элементами подобной системы остается невысоким, он резко возрастает с ростом уровня взаимодействия при сохранении, а тем более – при увеличении стихийности этого взаимодействия. Наоборот, рост уровня взаимодействия при внесении в него элементов организованности (от заключения договоров о торговле, ненападении, союзнических отношениях, обмена посольствами до формирования международных режимов) и, следовательно, порядка, создает возможности для формирования и последующего расширения международного сообщества и уменьшения конфликтов между его членами.

Ограниченные возможности взаимодействия между Древним Римом и Китайской империей не позволяли им систематически торговать или воевать друг с другом, как это имело место, например, в отношениях европейских государств XIX в. Соответственно, они имели меньше возможностей и стимулов для упорядочения своих отношений. Это говорит о том, что различия в структуре исторических типов международных систем лежат в основе разной степени их анархичности. Условием же ее снижения становится понимание политическими лидерами неудобств постоянного хаоса в международных отношениях и стремление установить в них некоторый порядок. Заключение договоров о пределах использования силы, создание институтов, призванных гарантировать их соблюдение, взаимные обязательства уважать собственность друг друга – таковы элементарные условия формирования международного сообщества. Они не приводят к полному освобождению от анархичности международных отношений, но способствуют снижению ее степени. Создавая и укрепляя *международные режимы* (в области безопасности, торговли, передвижения товаров и людей, прав человека и т.п.), международное сообщество вносит некоторый порядок в межгосударственные отношения. Такой порядок, или *зрелая анархия*, – это своего рода станция, промежуточный этап на историческом пути от естественного состояния с его неумеренной анархией к мировому сообществу. С этой точки зрения противопоставление реализма и либерализма во многом теряет смысл, ибо они взаимно дополняют друг друга.

В свою очередь, тяготеющие к постмодернизму американцы Х. Алкер и Т. Бирстекер, японец Т. Иногучи и пакистанец Т. Амин предлагают отказаться от межапарадигмальных споров как одномерных подходов к анализу международных отношений и рассматривать понятие мирового порядка как многомерное явление. Изучив теоретические дискуссии, которые ведутся в настоящее время в соответствующих странах, они пришли к двум важным выводам. Во-первых, о примерном совпадении содержания указанных дискуссий в самых разных странах, свидетельствующих о распространении международных исследований как профессиональной дисциплины на все новые регионы мира. Во-вторых, основные вопросы дискуссий о международном порядке (военная безопасность, политэкономия, социальные процессы, геополитика) не совпадают с разделительными линиями господствующих теоретических парадигм. Поэтому, утверждают эти ученые, анализ международных отношений в терминах межапарадигмальных споров не отвечает реальному состоянию современного мира, в котором сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, несколько мировых порядков.

Таким образом, мы видим, что *современная ТМО стремится освободиться от ограничивающих ее развитие крайностей в противопоставлении существующих в ее рамках теоретических парадигм.*

Впрочем, существует и противоположная, не менее устойчивая динамика. Тенденции к синтезу исследовательских программ противостоят их дальнейшая плюрализация. Расширение влияния постмодернизма, способствуя трансформации классических парадигм, не приводит их к отказу от своих основополагающих постулатов. Начиная с середины 1970-х гг., в США, а затем в Великобритании наблюдается бурное развитие *международной политической экономики*, многообещающий творческий потенциал которой привлекает растущий интерес научного сообщества. В Европе, в частности во Франции, укрепляются позиции *социологии международных отношений*. Однако, вопреки некоторым ожиданиям, ни одной из этих двух дисциплин не удалось избежать внутренних разногласий, корни которых связаны с межпарадигмальными спорами [Мировая... 2001]. По мнению некоторых специалистов, конструктивизм эволюционирует в противоположном направлении, поэтому вполне правомерно говорить о том, что при всех присущих ему противоречиях, он все более заметно оформляется в самостоятельную парадигму, внося свой вклад в вышеуказанные споры [Vennesson, 1998]. Думается, однако, что до самостоятельной парадигмы ТМО, которая характерна для трех основных теорий, ему далеко, тем более что в последнее время споры и расхождения позиций между конструктивистами постоянно усиливаются. При этом в США, например, рост авторитета рефлексивизма, связанный с усилиями Корнеллского университета и университета штата Миннесота, не ослабляет позиций позитивизма, который явно подминает под себя конкурирующие подходы.

Позиции "рационального выбора", которому отдает предпочтение подавляющее большинство американских университетов, отличаются здесь не только устойчивостью, но и агрессивностью. Господствующее место в исследовании международных отношений принадлежит реализму и неолиберализму. Реализм остается доминирующей парадигмой и при всех трансформациях своего содержания продолжает настаивать на адекватности своих основных положений (касающихся конфликтности международных отношений, национальных интересов как основы мировой политики, роли власти и действенности силы как способов ее достижения и удержания и т.п.) современным международным реалиям. Данная констатация в гораздо меньшей мере относится и к Европе, в частности к Англии, но и здесь большой популярностью пользуются работы таких реалистов, как Б. Бузан, О. Вэвер, Р. Литтл и др. [Waever, 1998].

Таким образом, для эволюции теоретических подходов к исследованию международных отношений характерны не только изменения, но и преемственность. Трансформация классических парадигм не мешает сохранению их основополагающих постулатов. Новейшие направления не избавлены от межпарадигмальных споров. Методологические установки становятся все более разнообразными, но позитивизм и "рациональный выбор" сохраняют достаточно прочные позиции. Добавлю к этому идейные и теоретические предпочтения, присущие любому исследователю международных отношений. Все это не может не накладывать отпечатка на анализ всех животрепещущих вопросов мирового развития – безопасности и конфликтов, общего достояния и государственных интересов, глобальных тенденций и региональных особенностей. Приоритет тех или иных предпочтений в трактовке проблем международных отношений и мировой политики может быть большим или меньшим, преднамеренным или стихийным, признаваемым или скрываемым, но он составляет неизбежную черту любого исследования.

Поэтому знание основных положений теоретических парадигм – лишь предварительное условие на пути исследования международных отношений. Оно помогает только в том случае, если будут осознаны условность, относительность каждой из парадигм, необходимость их взаимного сочетания при рассмотрении тех или иных проблем, наконец, тот факт, что даже такое сочетание не гарантирует полностью достоверного знания о стремительно эволюционирующих международных реалиях,

большая часть которых не охватывается ни одной из существующих парадигм (как и межапарадигмальными спорами). Жизнь гораздо богаче и сложнее любой теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
- Вендт А.* Четыре социологии международной политики // *Международные отношения: социологические подходы.* М., 1998.
- Кант И.* К вечному миру // *Кант И. Соч.* в 6 т. Т. 6. М., 1966.
- Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей. М., 2001.
- Теория международных отношений на рубеже столетий. М., 2002.
- Финнемор М.* Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма // *Международные отношения: социологические подходы.* М., 1998.
- Хэдли Б.* Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике // *Антология мировой политической мысли.* В 5 т. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997.
- Buzan B.* From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory Meet the English School // *International Organization.* Summer 1993. Vol. 47. № 3.
- Buzan B., Jones C., Little R.* The Logic of Anarchy: Neorealism to Structural Realism. New York, 1993.
- Cardoso F.H., Faletto E.* Dépendence et développement en Amérique Latine. Paris, 1969.
- Carr E.H.* The Twenty Years Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations. London, 1939.
- Checkel D.T.* The Constructivist Turn in International Relations Theory // *World Politics.* 1998. Vol. 50. № 2.
- Clark G., Sohn B.L.* World Peace through World Law. Two Alternative Plans. Cambridge (Mass.), 1966.
- Cox R.* Civil society at the Turn of Millennium: Prospect for an Alternative World Order // *Review of International Studies.* 1999. № 25.
- Cox R.* Production, Power and World Order: Social Forces in the Making of History. New York, 1987.
- Cox R.* Social Forces, States and World Orders // *Neorealism and its Critics.* New York, 1986.
- Dickinson G.L.* The International Anarchy. London, 1926.
- Frank A.G.* The Development of Underdevelopment // *Monthly Review.* April 1996. Vol. 18.
- Galtung J.* A Structural Theory of Imperialism // *Journal of Peace Research.* 1971. Vol. 8.
- Gill S.* Reflexion on Global Order and Sociohistorical Time // *Alternative.* 1991. Vol. 16. № 3.
- Horkheimer M., Adorno T.* Dialectic of Enlightenment. London, 1979.
- Huntington S.* The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs.* 1993. Vol. 72 (2).
- Innovation and Transformation in International Studies.* Cambridge, 1997.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, 1977.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Transnational Relations and World Politics. Cambridge (Mass.), 1972.
- Moravcsik A.* Taking Preferences Seriously: A Liberal Theory of International Politics // *International Organization.* Autumn 1997. Vol. 51. № 4.
- Morgenthau H.* Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. New York, 1961.
- Prebisch R.* Toward a New Trade Policy for Development. New York, 1964.
- Rosenay J.N., Czempel E.O.* Governance without Government: Order and Change in World Politics. Cambridge, 1992.
- Smuts M.-C., Batistella D., Venesson P.* Dictionnaire des relations internationales. Dalloz, 2003.
- Vennesson P.* Les relations internationales dans la science politique aux États-Unis // *Politix.* 1998. № 41.
- Waever O.* The Sociology is Not So International Discipline: American and European Developments in International Relations // *International Organization.* Autumn 1998. Vol. 52. № 4.
- Waltz K.* Theory of International Politics. Reading, Massachusetts, 1979.
- Woolf L.* International Government. New York, 1916.
- Zacher M., Matthew R.* Liberal International Theory. Common Threads, Divergent Trends // *Controversies in International Relations Theory.* New York, 1995.
- Zimmern A.* The League of Nations and the Rule of Law, 1918–1935. London, 1936.